

Слово редактора

РУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РАЗУМ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ОСМАНО-РОССИЙСКОЙ ИМПЕРСКОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ

В.П. Макаренко

Южный федеральный университет

Аннотация: Для адекватной формулировки проблемы империи в истории и современной России требуется дистанция в отношении концепций, которые разрабатываются представителями официальной науки и пропаганды внутри России и россиеведами вне России. Концепт дистанции позволяет освоить теоретическое пространство капитального труда Доминика Ливена в контексте современных российских преобразований с одновременным дистанцированием от политической конъюнктуры и интеллектуально-политических мод. В статье систематизированы общие проблемы Российской империи до 1917 года и поставлена проблема их воспроизводства в современной России.

Ключевые слова: русский государственный разум, империя, сходство и различие Османской и Российской империй.

Тема государственного разума (термин *reason d'etat* на русский язык переводится как *государственный интерес*) меня интересует давно. Со времени публикации первой книги я развиваю идею о том, что государственный разум (государственные интересы) являются элементом бюрократических отношений внутри государственного аппарата и в его взаимосвязях с обществом. Свежие результаты воплощения идеи изложены в недавно вышедших работах [Макаренко 2013; Русская власть... 2015]. Р. Арон заметил: «Идея, для верующего в нее, наполнена конкретным содержанием» [2000: 127]. Содержанием этой статьи будет имперская компаративистика.

Данный метод исследования я тоже применяю давно. Пятнадцать лет назад была опубликована статья, в которой я описал общие проблемы бытия и распада империй и предложил рассматривать современные российские преобразования как частный случай этого общего процесса. А поскольку Крым и Кавказ до XX века находились в зоне противоборства между Османской и Российской империй, постольку процесс распада СССР можно рассматривать в сравнении с опередившим его более чем на сотню лет распадом Османской империи [Макаренко 2001: 30–40]. За эту статью я получил диплом журнала «Социологические исследования» по номинации «Наилучшее сочетание теоретических и прикладных возможностей социологии».

Но недавно проштудировал коллективную монографию о российском Кавказе [Российский Кавказ... 2015]. В ней не затрагиваются ни общая тема империй, ни частные проблемы анализа российского Кавказа в контексте распада Османской и Российской империй. Это меня удивило, — ведь ко времени публикации указанной коллективной монографии уже был издан капитальный труд английского историка Доминика Ливена, в котором всесторонне описана необходимость и продуктивность сравнения Османской и Российской империй.

Эти факты моей интеллектуальной биографии в соединении с фактами научной и политической жизни России я рассматриваю как повод для систематизации теоретических и политических проблем, указанных в заглавии. Систематизация базируется на выводах моих предшествующих исследований, которые будут уточняться в процессе реконструкции относящихся к теме фрагментов сравнительно-исторического исследования империй в работе Ливена [Макаренко 2011].

Когнитивно-политические ловушки и безжалостный механизм

Доминик Ливен — специалист в сфере сравнительной истории — считает, что никогда и нигде проблема позитивного или негативного отношения к империи не стояла так остро, как в современной России. Для осознания целей и задач страны надо определить отношение к царскому и советскому прошлому. Но большинство русских воспитано в марксистско-ленинском простодушии. Назвать Советский Союз империей для них значило бы осудить его, выбросить на свалку истории, признать бессмысленной и безнравственной жизнь трех четвертей нынешнего населения России, которые родились и прожили большую часть жизни в СССР. Однако в современном мире любая попытка восстановления империи будет реакционным донкихотством. С другой стороны, если не считать Советский Союз империей, а единым наднациональным пространством, то его разрушение было ошибкой и преступлением, а стремление возродить его частично или целиком не является безнравственным или безнадежным. Но большая часть населения России до сих пор не приняла постсоветский порядок. Поэтому на протяжении жизни нынешнего поколения жителей России проблема отношения к империи будет для них важной и политически спорной [Ливен 2007: 42–43].

Для политической концептологии критерий спорности любых теорий является ключевым. В этом состоит важный момент моего избирательного сродства с позицией Ливена. С необходимым уточнением: мой отбор проблем из громадного материала его книги тоже будет подчинен данному критерию в целях формирования повестки дня дискуссии, главные вопросы которой выпадают из поля зрения, если ее участники вдохновляются конъюнктурой и интеллектуально-политическими модами.

Предметом исследования Ливена является история империй с точки зрения сравнительной политологии, частный случай которой — имперские тенденции русской истории. В состав данных тенденций входят проблемы отношения империи к формированию наций и имперской внешней политики. Цель Ливена — уложить историю России в международный контекст. Такой подход не нравится ни большинству русских, ни западных ученых. Но в познании критерий большинства научного сообщества (или майнстрима) в лучшем случае является дискуссионным, а в большинстве случаев мешает установить истину. А суть дела в том, что на протяжении последних 400 лет ход мировой истории определялся Англией, Францией и США, которые навязывали себя в качестве образца другим странам (включая Россию). На русскую историю пагубно повлияло то, что Россия всегда была слабее Запада. В силу географической близости к главным очагам европейского могущества правители России осознали этот факт раньше большинства других народов. «Сильный может на время позволить себе забыть о значении силы. У слабого такой возможности нет» [Там же: 14]. В книге описана

слабость России в системе международных отношений, динамики этой системы и ее влияния на русскую историю.

Ни один из аналитиков империй не рассматривал Россию в таком контексте. «Большинство исследователей империй, — пишет Ливен, — старательно избегают этой темы, считая Россию не отмеченным на карте болотом, охраняемым злобными и слегка помешанными академическими цепными псами. До 1991 года включение Советского Союза в категорию империй не только отпугивало интеллектуально, но и было подозрительным политически. Подавляющее большинство западных историков-русистов видят уникальность российской государственности в безграничном доверии народа к своим правителям. Для многих русских в этом и заключается религиозное чувство» [Там же: 15].

Стало быть, для адекватной формулировки проблемы империи в истории и современной России требуется *дистанция* в отношении концепций, которые разрабатываются «академическими цепными псами» внутри России и россиеведами вне России, а также в отношении к политико-религиозным чувствам большинства русских. Концепт *дистанции* для политической концептологии является базисным [Макаренко 2009]. Он позволяет освоить теоретическое пространство исследования Ливена в контексте современных российских преобразований с одновременным дистанцированием от политической конъюнктуры и интеллектуально-политических мод. Эту сверхзадачу я разделю на три относительно самостоятельные темы: общие проблемы Российской империи до 1917 года; специфика советской империи; современная Россия. В данной статье будут систематизированы проблемы, возникшие до революции 1917 г.

Д. Ливен начинает с описания политических и культурных ловушек, связанных со смыслом термина «империя». На протяжении 2000 лет термин был и остается многозначным. Назвать государство *империей* означает навесить на него положительный или отрицательный ярлык. Английский историк анализирует причины этой оценки на примере отношения Англии к Ирландии. Основные принципы британского имперского правления были заложены в Ирландии XVI в. Они включают два основных элемента: идеологию цивилизационной миссии (чувство культурного превосходства над аборигенами) и доктрину *terra nullius*: если «отсталые» местные жители плохо обрабатывают землю (или другие экономические ресурсы), то сильный и развитый захватчик может их законно экспроприировать¹. Ливен сопоставляет эти элементы с громадным материалом истории Британской, Австро-Венгерской, Российской и Османской империй. Я сосредоточусь на османо-русской компаративистике, из которой Ливен выводит ключевое и значимое до сих пор определение всей российской истории и политики: «Великорусское самодержавие — это безжалостный механизм для мобилизации человеческих и материальных ресурсов общества ради обеспечения государственных приоритетов и задач. Такова суть русского государственного разума» [Ливен: 401]. Для доказательства данного положения Ливен описывает множество фактов и тенденций русской и османской истории, политики и идеологии². Укажем здесь только те, которые позволяют развить концепт русского государственного разума на фоне османо-русской компаративистики.

Переплетение успеха и поражения

Прежде всего он фиксирует пункты сходства в генезисе Российской и Османской империй: появление на периферии огромных территорий и цивилизаций, над которыми они впо-

¹ Terra nullius — ничейная территория; область, не подпадающая под сюзеренитет какого-либо государства. Как отмечал Гуго Гроций, «ничья земля» приравнивается к территории противника по праву вести на ней военные действия [Там же: 41].

² Данное положение уже давно доказано в капитальном труде [Милов 1998].

следствии установили свое господство; одновременное обращение в христианство и в ислам (X век); одновременное заселение будущего центра имперской территории (XI век); преобладание в религиозности населения на протяжении всего средневековья смеси язычества с исламом (христианством) и вытекающее отсюда противоречие между верой городских религиозных лидеров и религиозностью народа; генезис первых правителей из среды военачальников, основой власти которых было насилие, обеспечивающее сторонников добычей, землей, престижем и чувством исполненного религиозного долга в войнах с инаковерующими; наследование родовых земель первыми царствующими династиями одним наследником (с XIV в.); превращение военачальников в монархов, которые создали государственные институты для многовековой поддержки собственного владычества; квалификация кавалерии вплоть до XVI в. как основной части армии, которая получала от монарха земли в награду за военную службу; развитие в регионах, прежде контролируемых наследниками Великого хана.

Затем Ливен описывает пункты различия между Османской и Российской империями. Россия смогла двинуться на восток лишь после разгрома мусульманских княжеств Поволжья в середине XVI в. Османы не смогли двигаться на восток, поскольку на территории современного Ирана в XVI в. возникло государство, которое отрезало османов от их исторической родины в Центральной Азии. Малый процент тюркского населения ограничивал возможности колонизации захваченных территорий и был постоянной слабостью Османской империи. В Османской империи не было разделения на метрополию и периферию и правления имперской нации над подчиненными колониями. Вплоть до кончины Османской империи Константинополь оставался космополитическим центром культур и народов. Даже в 1850-х гг. мусульмане оставляли всего 44 % его населения, а этнических тюрков было еще меньше [Ливен 2007: 223–230]. Появление Ирана означало, что османам всегда придется вести борьбу на два фронта — с христианами на севере и враждебным государством у себя в тылу. Османы захватили север Черного моря и господствовали там до конца XVIII в. Но в середине XVI в. распространение русских в южные степи вступило в противоречие с интересами османов. С этого времени отношения между Россией и Турцией испортились. С XVIII в. по начало XX в. Россия была злейшим врагом и основным могильщиком Османской империи.

В целом сравнение Османской империи с Россией показывает: обе находились на окраине Европы и управлялись монархами; ни в одной не было европейской феодальной знати с традициями корпоративных прав и самоуправления; обеим в XVII–XVIII вв. пришлось бороться с внешними врагами и с внутренними проблемами, мешавшими ответить на вызов Европы. Но Петр I в 1690-е гг. сумел разрушить консервативный альянс элитных военных полков (стрельцов), религиозных сектантов и городских ремесленников. В Османской империи эти силы блокировали реформы вплоть до 1826 г., когда Махмуд II уничтожил институт янычаров. По этой причине османы стали намного слабее России в 1800 г., хотя были сильнее тремя веками раньше. Сам успех османов был причиной их последующих неудач. Они не ставили под сомнение опробованные методы государственного управления, что в конечном счете привело к распаду империи [Там же: 244–252].

Централизация государственного управления была главной причиной успеха и упадка эффективности центрального османского правительства в XVII–XVIII вв. Во всех империях поддержание эффективности бюрократии было затруднено, учитывая допотопные коммуникации, большие расстояния и отсутствие средств контроля за чиновниками — свободной прессы и независимого законодательства. «Очень многое зависело от способностей правителя, оказавшегося у власти по наследственному принципу, в то время как память о золотом веке препятствовала проведению реформ» [Там же: 250]. Иначе говоря, персонификация власти — существенная причина упадка эффективности государственного управления сверху донизу.

Империя породила национализм, в результате чего османы попали в ловушку двойного захолустья. Национализм в Турции распространялся из приграничных территорий к центру государства. Пограничное население имеет больше возможностей для контактов с соседями, а постоянные опасности и пограничные конфликты имеют большой резонанс. Династия считалась священной, но жизнь султанов таковой не являлась. На протяжении двух веков со времени свержения Османа II в 1622 г. многие султаны были смещены или убиты янычарами. Старая янычарская гвардия была весомым фактором фракционной дворцовой политики и обычно поддерживала противников реформ и европеизации. Новая профессиональная армия вместе с гражданской бюрократией тоже представляла угрозу как сторонница радикальных реформаторов и турецкого национализма. Стало быть, армия и бюрократия — главные внутренние враги империй. Но не только.

Христианское крестьянство Балкан приветствовало закон, мир и порядок, которые на протяжении первых двух веков несло с собой османское правление. Даже в XIX в. множество крестьян Бессарабии бежали от «освобождения», которое им несла христианская, но крепостническая Россия, когда их провинция была аннексирована в 1812 г. Намного важнее то, что большинство балканских христианских элит имело причины поддерживать османское правление, поскольку оно приносило им финансовые выгоды. К этим элитам относились рагузанские торговцы, греки-фанариоты и иерархия Греческой православной церкви. По благословению османов последние получили большую власть над всем православным населением и даже арабами. «Фактически при османском правлении они обрели такую власть над славянской православной церковью, какой у них никогда не было даже в последние века византийского правления. Греки и армяне, часто связанные с верхушкой духовенства, были преуспевающими торговцами и (армяне) финансистами» [Там же: 253].

Русские победы над османами и балканские восстания вызвали массовые кровопролития и эмиграцию мусульманского населения из утраченных провинций³. Окончательный результат упадка и распада Османской империи таков: в 1923 г. подавляющее большинство мусульманского населения Балкан было изгнано и перебито. В ответ Турция истребила христианское население Анатолии. Поток мусульманских беженцев обострил межнациональные противоречия в оставшихся провинциях Османской империи. В XVIII в. большая часть османской экономики находилась в руках европейских и османских христиан. Накануне Первой мировой войны все 40 частных банкиров и все биржевые брокеры Константинополя были немусульманами. Треть османской торговой палаты состояла из греческих фирм и организаций. Даже в сельском хозяйстве и ремесле иностранцы играли большую роль.

В начале XX в. все европейские империи оказались перед множеством угроз: ослабления своего могущества; потери территорий; неспособности конкурировать с иностранными державами; утраты контроля над национальными меньшинствами; развертывания конфликта между монархами и набравшей силу бюрократией, которая стремилась определять политику. Все эти угрозы в Османской империи выступали в гипертрофированной форме. Для противодействия им Абдул-Гамид учредил тайную полицию. Османская империя выступила инициатором тайных сговоров высших чиновников с политическими эмигрантами для смещения суверена. Перед ней возник выбор: оставшись империей, состоящей только из турок и арабов, она получила бы в

³ Крым — первый мусульманский регион, завоеванный православной Россией. В результате захвата Крыма в конце XVIII в. почти 100 000 татар вынуждено было бежать в Османскую империю. В 1854–1856 гг. османские, французские и британские армии вторглись в Крым. Россия заподозрила татарское население полуострова в нелояльности. Многие деревни были уничтожены казаками, что привело к эмиграции в Османскую империю еще более 300 000 татар. Русское завоевание Кавказа тоже привело к массовой насильственной эмиграции. Около 1,2 млн. черкесов и абхазов покинули свою землю, из них выжило всего две трети.

исламе наднациональную идеологию такой силы и привлекательности, которая могла бы соперничать со светским этническим национализмом [Там же: 262–264].

Великий имперский народ

При анализе России Д. Ливен отталкивается от взглядов Монтескье и А. Тойнби, которые изучали империи для объяснения причин мирового господства народов Северной и Северо-Западной Европы. Главные итоги изучения сводятся к постулатам: империи возникают в холодном климате и на неплодородных почвах; борьба за существование в трудных условиях закаляет народы для несения имперского бремени; среда влияет на менталитет и уровень цивилизации, в результате чего холодоустойчивые народы обладают более твердым и закаленным характером.

В соответствии с данными критериями русские должны были стать величайшим имперским народом. Москва удалена от античных и современных имперских центров. В период рождения Московского княжества (XIII–XIV вв.) на первом месте в мировой цивилизации находился Китай, на втором исламский Ближний Восток, на третьем латинское христианство Европы.

География — первая причина особого положения России в истории империй. В период генезиса Россия была вынуждена установить контроль над реками и их выходами в море, чтобы противодействовать стремлению соседей облагать движение по рекам налогами и препятствовать торговле. Река определяет направление экспансии, поэтому контролирующая истоки рек держава неизбежно доминирует на территории. Русские получили контроль над Волгой и выход к Каспийскому морю в 1550-х гг., а в XVIII в. завоевали побережье Балтийского и Черного морей. Эти приобретения повлияли на развитие русской торговли, экономики, богатство и мощь Российского государства. Но моря были внутренними (Каспийское) или выходили в океан через узкие проливы (Зунд на Балтике, Босфор и Дарданеллы в Константинополе), перекрываемые иностранными флотами. Из-за этого географического факта позиция России как морской и торговой державы всегда находилась под угрозой.

Важный момент концепции Ливена — акцент на многообразии русских империй. Историки объясняют имперскую экспансию с помощью терминов «тянуть» и «толкать». Первый обозначает факторы притягивания метрополии к периферии. Например, коллапс монголо-татарской империи создал вакуум власти к востоку от Москвы. А богатые мехом сибирские регионы были слабо заселены для эффективного сопротивления русскому наступлению.

Ситуация вокруг степных пастбищ к югу от Москвы была иной. Там обитали кочевники — воины и скотоводы. С VII по XVII век они властвовали в регионе, наводя страх на оседлые общества к северу и югу. Поэтому лишь в середине XVI в. Москва начала наступление на степи. Весь регион попал под контроль России в конце XVIII в. Пока российская территория ограничивалась лесными регионами и неплодородными землями, в ней не могло появиться население и богатство, достаточные для империи. Даже в середине XVIII в. население России было меньше населения Франции. Контроль России над всем регионом между Балтикой и Черным морем — недавний феномен.

Расположение, природные и людские ресурсы регионов Северной Евразии определяли причины их захвата и роль в экономической и политической системе Российской империи. Массовая колонизация Северной Евразии была эффективным способом утверждения контроля над регионом и изменения мирового баланса между народами и цивилизациями. Но российской специфики в этом не было: «Будучи одним из основных элементов европейской экспансии, колонизация, как правило (хотя не всегда), подразумевала широкомасштабные этнические чистки. И Россия здесь не стала исключением... Если обширные земли, которые сей-

час называются Южной и Восточной Украиной, — прежде всего район проживания запорожских казаков — из-за бесконечных татарских набегов за добычей и рабами достались России преимущественно пустыми, то в других частях степной Европы и повсеместно в Южной Сибири наступление сельского хозяйства и российских колонистов происходило за счет местных кочевых народов и культур» [Там же: 338–339].

На этом основании Ливен констатирует сходство русской и британской колонизации: 1. Российская колонизация своего «Нового Света» оправдывалась развитием необрабатываемых кочевниками земель. Земледелие считалось высшей ступенькой цивилизации по сравнению со скотоводством. Поэтому вслед за англосаксонцами русские прославляли храбрость и труд фермеров-колонистов, которые во враждебной дикой местности с незнакомым климатом не щадя сил несли прогресс и цивилизацию в огромные «пустующие» регионы. 2. Подобно западно-европейской колонизации, новые общества, основанные славянскими колонистами, отличались друг от друга. В Азии колонизация была крестьянской, там не было дворянства и больших поместий. В Новороссии почти половина земель принадлежала крупным помещикам-дворянам. 3. Но даже в Новороссии новые регионы сильно отличались от средней части России. В Новороссии не было крепостного права, многие крестьянские колонисты были украинцами, а возникающие южные города представляли собой смесь этносов. Евреи приветствовались в качестве колонистов, хотя им запрещалось селиться в центре империи.

Для преследования кочевников и защиты от них Россия строила в степях цепь крепостей⁴. «Но основной целью российской экспансии была сама земля, главным образом потому, что она была намного плодороднее сельскохозяйственных угодий Московского региона. В борьбе между кочевником и современным европейским (в данном случае русским) колонистом предсказать победителя было несложно» [Там же: 340].

В результате победы России на юге начала развиваться диспропорция между различными отраслями экономики. В 1914 г. большая часть Средней Азии из-за концентрации сельского хозяйства на хлопке превратилась в регион с дефицитом продовольствия. В советское время положение стало хуже. «Как в царское, так и в советское время основная часть хлопкового урожая экспортировалась на фабрики в Центральной России, что очень напоминает экономические отношения между метрополией и периферией в европейских колониальных империях» [Там же: 343]. Новороссия рассматривалась Россией прежде всего со стратегической точки зрения — как плацдарм в Черноморском регионе для дальнейшего наступления против османов на Кавказе.

Правда, в последние десятилетия XVIII в. Петербург колебался, стоит ли брать на себя бремя защиты и управления Грузией. В конечном счете победили стратегические и геополитические соображения. С учетом традиционной враждебности османов и соперничества Персии и Османской империи с Францией и Британией было решено присоединить Грузию к России и превратить ее в российскую базу в Закавказье. Вследствие этого россиянам при-

⁴ Башкиры были завоеваны к 1740 г. Калмыки совершили переход в Монголию в 1771 г. Из 150 тыс. в живых осталось примерно 50 тыс. Сопrotивление казахов (киргиз в тогдашней терминологии) было сломлено к 1850 г., после чего началась колонизация. Ее темпы возросли в конце XIX — начале XX вв. Русское государство отдало «пустующие» казахские степи переселенцам из России и Украины (в первое десятилетие XX в. туда переселилось 3 млн. чел.). Степное положение 1891 г. лишило кочевников права собственности на землю, разрешая коренному населению владеть не более 40 акрами земли на члена семьи, что намного меньше потребности для сохранения кочевого образа жизни. В результате в 1916 г. произошло восстание коренных жителей, второй причиной которого было намерение российского правительства рекрутировать казахов для трудовой повинности на фронте. Было убито 200 тыс. казахов, многие бежали в китайский Туркестан. В советское время судьба казахов была даже хуже, чем при царе. Страшный голод 1932–33 гг. был вызван коллективизацией и уничтожил треть коренного населения. Хрущевская целинная политика 1950-х гг. лишила казахов большей части их старинных земель к северу от Казахстана.

шлось руководствоваться законами местной геополитики, которая требовала захвата морских и сухопутных коммуникаций между Закавказьем и Россией. Началось покорение горных народов Северного Кавказа.

Кавказ оказался пограничной зоной между империями. Он был удален от центров и труднодоступен для контроля. В 1800 г. основными соперничающими империями здесь были русские на севере, персы на юго-востоке и османы на юго-западе. Все три империи имели на Кавказе своих единоверцев. В ту эпоху религия была средоточием лояльности и идентичности, намного важнее языка и национальности. В военное время единоверцы часто становились пятой колонной в тылу врага, что обрекало их на обвинения в предательстве и массовые избиения. Ужасные результаты этой кавказской традиции включали геноцид армян османами.

Однако россияне тоже приложили руку к кавказской традиции массовых депортаций, этнических чисток и убийств. Для доказательства Ливен описывает политику России в период Кавказской войны и в советское время: «Всеим своим менталитетом и особенно озабоченностью геополитикой (не говоря уже о жестокости) Сталин во многом напоминал императора... Но его склонность к геополитике, массовой резне и этническим чисткам является *чисто кавказской чертой*» (курсив мой. — В.М.) [Там же: 346–347]⁵.

В целом российское правление в Азии — включает Ливен, — во многом схоже с методами управления европейских заморских империй и составляло важный элемент европейской экспансии на восток, осуществляемый за счет нехристианских и кочевых народов. «Экспансия России базировалась на применении европейских экономических и политических технологий — иначе говоря, армий, индустрии, железных дорог и правительственных институтов, организованных по современным европейским принципам» [Там же: 349].

Политические технологии и доморощенные идеологии

На основе данных технологий складывался имперский менталитет и политико-идеологические приоритеты России. Многовековое пребывание в составе татарской степной империи породило сочувствие к методам и ценностям ее дипломатии, способам войны и управления. Даже на рубеже XVII в. московская элита высоко ставила происхождение по прямой линии от Чингисхана. Императорская кровь в сочетании с православием придавала претенденту на монарший престол значительную легитимность в глазах россиян.

Ощущение превосходства в силе и предвкушение победы над неевропейцами были ключевыми элементами европейского имперского высокомерия. Элита царской России эпигонски заимствовала эти чувства в XVIII–XX вв. Примером служит деятельность генералов Цицианова и Ермолова на Кавказе, оправдывающих террор против горцев: «Снисхождение в глазах азиата, — говорил Ермолов, — знак слабости, и я прямо из человеколюбия бываю строг неумолимо. Одна казнь сохранит сотни русских от гибели и тысячи мусульман от измены» [Там же: 351].

Поведение русской политической элиты на Кавказе свидетельствует о тождестве российского и европейского имперского взгляда. По мере роста национализма постепенно возник интереснейший феномен: каждая европейская империя полагала свою разновидность империи наилучшей. Наиболее радикальной реакцией россиян на пренебрежительное отношение к ним европейцев была гордость своими полуазиатскими корнями, татарской наследственностью и осознание «отдельности» от европейской цивилизации. Такова суть евразийства. В русском образе мышления всегда присутствовал националистический перекоп, подчеркивавший русскую уникальность, главным источником которой полагались православие и славян-

⁵ Данный аспект исследования Д. Ливена рассматривается в публикуемой в данном номере моей статье «Цивилизаторская диктатура империи: от этнического разнообразия к универсальному доносительству».

ство. Такова суть евразийства. До 1914 г. русское евразийство было консервативно, ограничиваясь общей для России и Азии верностью самодержавной монархии, иррациональной и религиозной космологией, антилиберальными коллективистскими ценностями. После прихода к власти большевиков евразийские идеи пропитались верой в революционную энергию новой России и ее способность уничтожить буржуазную цивилизацию Европы.

Но в свете современного увлечения евразийством Ливен подчеркивает важность двух обстоятельств: 1. До 1914 г. евразийство было узким направлением мысли в русском образованном обществе, большая часть которого ориентировалась на западную культуру и политику. 2. Евразийство — это побочный продукт трудных отношений России с Европой и чувства неполноценности и отверженности России. За пиететом к евразийству скрывается констатация Достоевского, восхваляющая русский империализм в Азии: «В Европе мы были приживальщики и рабы, а в Азию явимся господами».

Российское чувство культурной неполноценности и слабости радикально отличается от культурного высокомерия западноевропейского морского империализма. Русские всегда жестоко относились к туземному населению с (торговля местными женщинами в Сибири занимала по доходности второе место после мехов), но стремились сохранить аборигенов для их последующей эксплуатации.

«Когда речь идет о русском народе, — пишет Ливен, — ценностно-стоимостный анализ плюсов и минусов империи становится вдвойне затруднительным... Однако уже сейчас должно быть совершенно ясно, что Российское государство, безусловно, стало гораздо богаче и сильнее в результате если не всех, то большинства своих территориальных приобретений. Без этих завоеваний оно не стало бы великой державой. Даже сегодня, в постимперскую эпоху, Сибирь — драгоценный камень в имперской короне России — дает России возможность, потеряв статус империи (после отделения Украины. — В.М.), оставаться при этом великой державой, что по географическим причинам невозможно для морских держав — Британии, Франции, Испании и Нидерландов. Потеря заморских владений обрекла эти бывшие имперские державы на положение государств второго сорта или даже хуже. Сохраняя Сибирь в составе метрополии, Россия имеет шанс, хотя и не стопроцентный, избежать этой участи» [Там же: 362–363].

Из различий между морскими и сухопутными империями Д. Ливен выводит различия их *медицинских историй*. Чума в Европе была следствием объединения Евразии под монголами, жертвами которой стали европейцы. Русская экспансия на восток и юг не сопровождалась ужасными медицинскими последствиями для степных кочевников, хотя до появления русских оспа в Сибири была неизвестной. Русские распространялись внутри одной экологической системы, в которой население уже обладало иммунитетом против заразных болезней, которые несли с собой русские. Вплоть до столкновения с кавказскими горцами русские не встречались с абсолютно новым для себя миром. Но даже горцы не были столь фантастическими и непредсказуемыми, как народы, которые европейцы впервые обнаружили в Америках. Европейцы были вынуждены пересечь океан и встретиться с абсолютно новым миром. Русский колонист продолжал движение предков вдоль рек или по направлению к степям. Поэтому у него не возникало чувства инакости. Но отсюда вытекает серьезная проблема: в сегодняшней России отсутствие чувства различия между родиной и колонией может иметь важные последствия для легитимности и стабильности российских постимперских границ [Там же: 366].

Следующая проблема вытекает из факта: империи Европы (Англия, Испания, Россия) были ее периферийными государствами. В постимперскую эпоху исторические и культурные последствия географической периферии стали фактором, затрудняющим приемникам Россий-

ской, Британской и Османской империй возможность на равных соперничать с новой Европой, сплотившейся вокруг франко-германского ядра.

Государственные институты и уровень развития культуры в большинстве периферийных обществ до Нового времени не дотягивали до уровня центров цивилизаций, с которыми они граничили. По этой причине периферийные общества были «восприимчивыми» и легко адаптировали и усваивали внешние влияния. Иногда способность усвоения технологий соседских цивилизаций превращала их в опасных военных противников, сочетавших технические достижения более развитых обществ с военными достоинствами brutальной империи-периферии⁶.

Короче говоря, влияние географии на историю Российской империи не следует переоценивать: «В большинстве случаев то, что происходило в головах у русских, — пишет Ливен, — оказывалось важнее, чем место, которое они занимали на карте. Особенно это справедливо в отношении менталитета, идентичности и восприятия русскими самих себя» [Там же: 368].

Вплоть до настоящего момента все неевропейские общества вынуждены равняться на Запад ради выживания, все возмущаются этим фактом и развивают в ответ доморощенные консервативные идеологии. Стало быть, систематизация таких идеологий и выработка средств противодействия им — еще одно направление исследований.

Поскольку в России не было четкой границы между метрополией и колонией, Москва без труда подавила движения за отдельную сибирскую и украинскую идентичность. «Политическая и культурная дистанция между царской Москвой и казацким Запорожьем была уже никак не меньше, чем между колониальной Виргинией и Лондоном» [Там же: 370]. Поэтому проведение такой границы — острая политическая проблема.

Формирование политической неопределённости

Для анализа корней успеха московской политики Ливен переходит от географии к политическим традициям Российского государства, которые сформировались еще в доимперскую эпоху. Главные из них — самодержавие и централизация. Они являются продуктом отношения между царским государством и русским народом, народом и церковью до империи, царским государством и русской элитой, имперским государством и русским народом. Эти константы детально анализирует Ливен. Ограничимся здесь его проблемными констатациями.

Истоки политических традиций России сложились в период 145–1550 гг. — столетии, предшествующем завоеванию Казани. Большая часть Великой Руси была завоевана Москвой, а не присоединена в результате династических браков или по согласию сторон. Поэтому самым точным аналогом политики Ивана III и Ивана IV являются действия первого императора Китая. Тот истребил местные элиты и гомогенизировал завоеванные территории и заложил основы централизованного имперского правления на тысячу лет. В политическом смысле вся история Российской империи несет на себе отпечаток позднего (в XVII в.) насильственного введения деспотичной формы крепостничества. Оно нанесло тяжелую травму народу, привыкшему к свободе и мобильности. Еще больше русская идентичность определялась православием.

Смутное время — результат созданного Иваном IV хаоса. Он подвел государство к краю гибели и бросил его на растерзание хищным соседям. Руководители российской внеш-

⁶ Например, в начале XVIII века в Европе русских воспринимали как новый и более опасный эквивалент ту-рок — жестоких и чужеродных варваров, но значительно лучше усвоивших европейские технические достижения [Там же: 368].

ней политики XIX в. справедливо полагали, что националистическое общественное мнение, на которое сильно влияли интеллектуальные наследники славянофилов, неспособно понять слабость России и правильно оценить ее военно-политическую стратегию в сравнении со стратегией европейских великих держав. Общество подозревало, что внешняя политика преследует династические интересы, не совпадающие с подлинными интересами России. Эти подозрения вспыхнули с новой силой во время первой мировой войны, когда возникла всеобщая вера в явную ложь: прогерманские фракции при дворе пытались заключить мир с Германией и свести на нет все военные успехи России. Этот фактор окончательно разрушил доверие между режимом, российским общественным мнением и мнением элиты, привел в 1917 г. к свержению династии и свел на нет все военные успехи России.

Ливен фиксирует связь между территориальной экспансией и легитимностью государства: «Для русского провинциального дворянина, как правило, владевшего на своей исторической великорусской родине не слишком плодородными и богатыми землями, которые к тому же приходилось делить между детьми и наследниками, завидная успешность территориальной экспансии государства была залогом его легитимности» [Там же: 397]. По его мнению, есть историческая логика и справедливость в том, что русская помещичья аристократия и самодержавный режим, тесно связанные на протяжении веков, должны были исчезнуть одновременно. Русское самодержавие вполне можно приравнять к решающему воздействию парламентского правления и правовых норм на Британскую империю.

В 1550 г. государство и народ были накануне создания империи. В конце XX века они внезапно перестали быть империей, а стали национальным государством. До середины XIX в. отношения царского режима и большинства русского народа были подобны обращению османской элиты с турецким крестьянством. Русский аристократ XIX в. руководствовался пушкинским страхом перед склонностью русского народа к «бессмысленному и беспощадному» бунту, но одновременно романтизировал русского патриархального православного крестьянина как бесстрашного воина с его долготерпением, жертвенностью и преданностью царю и отечеству.

В целях дистанцирования от перечисленных шаблонов русского государственного разума Ливен вводит и аргументирует концепт политической неопределенности [Там же: 411–413]. Были украинцы и белорусы отдельными народами или ветвями русской нации? Для украинского и белорусского национализма проблема в том, что все три народа имеют ряд общих признаков идентичности: все входили в состав Киевской Руси с центром в Киеве; одна из ветвей киевской династии утвердилась в Москве и образовала русское царство; Романовы были историческими наследниками московских Рюриковичей и потому могли притязать на все наследие Киевской Руси; три народа были объединены православием и общим церковнославянским языком; у них были общие враги — поляки и татары. На основе данных фактов русская элита пыталась обосновать шаблон, согласно которому все три народа изначально были одной нацией. Опять-таки здесь нет русской специфики. Точно так же многие англичане не отрицали факт существования шотландской нации, твердо веря в то же самое время, что она является частью более широкой британской идентичности. Одновременно никто из русских не отрицал, что латыши или грузины являются самостоятельными нациями. Враждебный характер дебатов усугублялся крайней важностью вопроса для всех заинтересованных сторон.

На протяжении последних двух столетий Россия не смогла бы сохранить имперский статус без Украины. Отделение Украины стало определяющим фактором развала СССР. На Украине и в России политическая стабильность и национальная идентичность остаются хрупкими, а сам вопрос вызывает споры. В случае с Украиной наиболее существенно то, что в 1550 г. не было предопределено, обретет ли Украина собственную государственность или нет.

«Именно возможность различных вариантов в ее историческом развитии делает украинскую историю при царском и советском режимах такой важной и интересной для изучения. Но украинский случай, помимо прочего, высвечивает некоторую общую неопределенность империи как в концепции, так и в этом конкретном случае. Что справедливо для империи в целом, справедливо и в русском и советском контексте» [Там же: 412]. Иначе говоря, концепт политической неопределенности при изучении империй является универсальным когнитивным приемом.

Московские правители расширяли территорию во всех возможных направлениях. Для оправдания захватов они объявляли себя наследниками Чингисхана, византийского императора, великих князей Киева и Владимира. «Ибо для безжалостных и прагматичных силовых политиков, правивших Москвой, было не слишком важно, насколько легитимным выглядел захват территории, если только территориальные ресурсы были надежно прикарманены. Однако официальные претензии царизма на то, что Украина и Белоруссия не были имперскими приобретениями, а являются исконными русскими землями, имеют большое значение для понимания последующей царской политики и в этих регионах и еще большее — для понимания того, что сами русские думали о природе своей империи» [Там же: 413].

Проблема выбора политических стратегий

Ливен изучает период заката Российской империи как множество проблем, порожденных политической логикой территориальной экспансии. Между 1854 и 1917 годами успехи России на дипломатическом и военном поприще были скромными по сравнению с Британией, Германией и Соединенными Штатами. Сознание отсталости и постоянные неудачи ослабляли легитимность режима в глазах русского и нерусского населения империи⁷.

Польская проблема состоит в том, что Польша всегда оставалась бельмом на глазу Российской империи, а во второй половине XX в. она стала одной из важнейших причин уязвимости послесталинской советской империи. Польша была слишком велика, чтобы легко поглотить ее, а ее элиты — слишком многочисленны, самоуверенны и привязаны к героическим воспоминаниям о независимом Польском содружестве, которое распалось в 1795 г. К тому же польские и русские церковь и государство издавна непримиримо враждовали между собой. Главный предмет соперничества между Польшей и Великой Русью сводился к претензиям на лежащие между ними украинские и белорусские земли.

История Польши в XIX в. показала, что старая царская политика создания империи на базе союза с местной аристократией уже была неэффективной, нежелательной и невозможной. Но царский режим не смог это осознать и выдвинуть альтернативы для поддержания империи в современную эпоху по следующим причинам:

1. Государственные деятели не смогли отказаться от старой стратегии альянса с местной аристократией и религиозными деятелями, полагая ее более надежной, чем работу с крестьянством и русификацию пограничных территорий. Между тем «в условиях приближающейся массовой грамотности и урбанизации даже на относительно отсталых западных пограничных землях представлялось ... более перспективной идеологическая работа с детьми богатых крестьян и другими элементами нарождающегося среднего класса. В этом регионе, так же как и почти во всей Восточной и Центральной Европе, именно эти социальные группы

⁷ Британский офицер, находившийся на службе в России до 1914 г., вспоминает о чувстве стыда, которое испытывал призванный на военную службу сын его квартирной хозяйки, когда его видели «в униформе самой плохой армии мира». «К осознанию того, что Россия не состоялась как великая держава, здесь присоединилось и понимание неблагоприятной роли армии, которая служит скорее режиму, чем нации, и используется преимущественно как средство подавления народных волнений (особенно во время революции 1905 года)» [Там же: 421].

оказали наибольшее воздействие на создание массовой национальной идентичности» [Там же: 434].

2. Правительство России на протяжении XIX в. было непоследовательным, а политика министерств несоординированной. Каждое из них руководствовалось своим представлением о способе управления нерусскими провинциями: Минфин был озабочен бюджетом и экономическим развитием; МВД отвечало за порядок и политическую стабильность; но для сохранения империи решающими оказались вопросы языка, культуры и национальной идентичности, которыми занималось слабое министерство образования.

3. В большинстве нерусских пограничных земель власть принадлежала генерал-губернаторам, которые формально подчинялись министерствам, но могли обращаться напрямую к царю. Наместники оказывали решающее влияние на политику в регионах.

4. Российская империя состояла из множества разных народов и национальностей с разной культурой и уровнем социально-экономического развития. Любая попытка применить ко всем единую «гармоничную» политику могла иметь катастрофические последствия.

5. В XX в. стало ясно, что для имперских проблем в современную эпоху нельзя найти простых и однозначных решений. Если русский царизм запутался в этих проблемах, то ничуть не лучше выглядели все его имперские соперники [Там же: 434–435].

Ливен посвящает большую главу анализу общемирового контекста империй как множества попыток решения проблем современной империи, которые одновременно были политическими стратегиями, претендующими на универсальность.

Первая из них представляла попытку создания новой, всемирной наднациональной идеологии как опоры имперского правления. Эта стратегия была реализована в СССР.

Вторая стратегия состояла в использовании традиционной наднациональной религии и была реализована в Турции, поскольку ислам мог связывать турок, арабов, курдов и боснийцев общей преданностью султану.

Можно было усилить привлекательность империи причастностью к великой цивилизации (с которой отождествлялся тот или иной имперский режим) ради защиты от националистической угрозы. Однако ни одна империя не сумела воспользоваться привлекательностью своей великой цивилизации для поддержания имперского режима⁸. Но из-за глубокого антагонизма между царским режимом и большинством российской интеллигенции воздействие последней на нерусское население было слабым подспорьем имперским правителям. Слабым утешением царскому правительству было то, что украинские и еврейские социалисты зачастую тяготели не к национальным, а к общеимперским революционным партиям, хотя впоследствии это могло привести к образованию социалистической империи на руинах царской.

Еще одним решением имперских национальных проблем был геноцид и этнические чистки большого масштаба. Царский режим «поощрял» эмиграцию за границу малых кавказских народов, которые рассматривал как угрозу российской безопасности. Но правители России к XIX веку были однозначно европейскими по своим ценностям и взглядам. Попытки решить проблемы империи при помощи геноцида или этнических чисток не представлялись возможными в свете моральных критериев российского правящего класса. Здесь не могло

⁸ В связи с этой стратегией Ливен отмечает, что XIX век был временем расцвета русской литературы и искусства. Российская интеллигенция создала образцы высокой культуры, была открыта для людей разных рас и религий и имела чисто космополитические симпатии и воззрения. Культура российской интеллигенции, черпавшей вдохновение из всех источников европейской культуры и разговаривавшей на различных языках, во многих отношениях была намного шире национальных перспектив, общих для отдельных культур Западной Европы. Даже мусульманские реформаторы-джадиды конца XIX – начала XX века испытывали уважение к российской интеллигенции и шли на союз с ней ради модернизации своего общества.

быть места аморализму режимов Гитлера и Сталина, когда тоталитарные светские идеологии могли оправдывать и требовать уничтожения народов, «стоящих на пути истории».

Однако российская правящая элита была не чужда антисемитизму. Бедственное положение евреев (погромы, ограничения прав, нищета) побуждало значительную часть еврейского населения западных пограничных земель к эмиграции в Западную Европу и Соединенные Штаты. Но Ливен полагает, что при обсуждении политических преследований и насилия крайне важна лингвистическая точность. Погромы нельзя назвать систематическими этническими чистками и геноцидом, которые были стратегией предположительно более «цивилизованных народов» Европы по отношению к евреям. Все исследования подтверждают, что царское правительство никогда не организовывало и не провоцировало погромов, хотя местные власти порой смотрели на них сквозь пальцы и медлили при их пресечении. Царские министры не потворствовали убийствам и были обеспокоены вспышками массовой жестокости, а также опасались, как бы неконтролируемая склонность простонародья к анархическому сведению счетов не обернулась против них самих. С другой стороны, неприкрытая антипатия высшего начальства к евреям могла внушить младшим чиновникам надежду на то, что их неспособность остановить погромы пройдет безнаказанно и будет поощрена. Не следует забывать, что во время Первой мировой войны сотни тысяч евреев были с крайней жестокостью и без всяких военных причин изгнаны российской армией из западных пограничных земель.

Еще одной стратегией решения проблем империи могла быть попытка пойти по австрийскому пути к многонациональной федерации. Но самодержавная централизация не позволяла империи развиваться в мозаику коронных земель в австрийском стиле, где каждая земля сохраняла собственную политическую идентичность. Ступив на эту дорогу, Австрия уже была не в состоянии остановить своего движения в сторону многонационального федерализма.

Однако ни один из членов российской элиты не рассматривал австрийский вариант решения проблемы многонациональной империи как достойный подражания образец. С российской точки зрения он представлялся источником политической нестабильности и проявлением военной слабости, которой в России старались избежать любыми средствами. Комментируя итоги войн 1859 и 1866 годов, российские военные особо отмечали тот факт, что многонациональный состав габсбургской армии отрицательно воздействовал на ее моральную стойкость и боеспособность. В противоположность этому высоко ценилось значение национальной однородности в прусской, итальянской и российской армии. Военные отвергали саму возможность сравнения Российской империи с многоязычной Австрией. С военной точки зрения они были правы. В это время лишь некоторые мусульманские подданные русского царя были военнообязанными. В 1870 году 90 % призывников составляли русские, белорусы и украинцы. И здесь наиболее существенно то, что в глазах царской элиты белорусы и украинцы являлись русскими, хотя говорившими на диалектах и имевшими свои особые традиции. Не только царская элита, но вся Европа в 1870-х годах принимала как данность, что украинцы и белорусы в своей национальной идентичности и политической лояльности были русскими в большей степени, чем баварцы — немцами.

Проблемы внутренней политики

Поэтому Ливен еще раз акцентирует сходство британской и русской внутренней политики. Управляя неевропейскими народами и территориями, британцы и русские не включали большинство из них в свой проект консолидации империалистического государства. Для британцев заморские колонии всегда были конституционно отдельными территориями, и англичане отвергали идею ассимиляции их небелого населения. В Российской империи ассимиля-

ция шла более быстрыми темпами потому, что большой процент аристократии имел татарские или кочевнические корни. Однако к XIX в. вследствие европеизации российской элиты у нее пропало желание ассимилировать неевропейцев. В системе законов возникло понятие инородцев, которые не подлежали ассимиляции и на которых не распространялись права и обязанности остальных подданных российского государства. В 1900 году в эту категорию входили почти все коренные таежные, степные, кочевые и мусульманские народы российской Азии. Режим в то время не предпринимал никаких усилий для интеграции европейских мусульман в русское национальное сообщество⁹. Перед Российской империей еще не встала капитальная политическая задача вовлечения массы мусульманских народов в государственную образовательную систему.

Что касается христианских меньшинств, то государство в это время уже пыталось использовать их школы для насаждения русского языка, культуры, идентификации и политической лояльности. В течение двух десятилетий перед 1914 годом число школ выросло. Однако образовательная система как механизм русификации населения имела значительные недостатки. Властям было сложно контролировать школы, разбросанные по огромной территории. Деревенские школы представляли собой убогие трехгодичные заведения с одним общим классом. Учителями в 1906–1917 годах были в основном женщины, причем их положение было крайне бедственным, и они редко пользовались авторитетом у крестьянства. Живя в бедности и изоляции, они полностью разделяли недоброжелательное отношение интеллигенции к царскому режиму. Режим не доверял учителям, пытался установить над ними жесткий контроль и не мог рассчитывать на них как на помощников в деле привлечения деревни на свою сторону. Это представляло яркий контраст с той ролью, которую школы играли в воспитании патриотизма и имперских настроений среди британской или немецкой молодежи, а также с тем осознанием важности и значительности своей миссии, с которым французские учителя отправлялись на завоевание Франции ради нации и республики.

Из всего сказанного вытекает заключение Ливена: в 1914 году русский царизм не смог решить основные проблемы империи. Наоборот, по мере распространения среди населения грамотности и политического самосознания трудности режима по управлению многонациональной империей только возрастали. Опыт революции 1905 года и последовавшая за ней частичная демократизация прессы и парламентской жизни укрепили положение и силы интеллектуалов-националистов, которым стало проще встречаться, организовываться и даже находить понимание в крестьянской среде накануне Первой мировой войны. Иначе говоря, империя стимулировала рост национализма.

Российская империя проиграла войну не потому, что ее армия потерпела поражение, а потому, что обрушился ее внутренний фронт. До революции 1917 года военное положение России было не хуже положения ее западных союзников. Хотя российская армия в целом уступала германской, то же самое можно сказать о французах и британцах. Экономические и военные действия России в 1916 году производили сильное впечатление. Знаменитый Брусиловский прорыв был наиболее удачной наступательной операцией союзников до 1918 года. Действия русских на турецком фронте были более успешными, чем действия британцев, потерпевших от османских войск поражения при Галлиполи и в Месопотамии в 1915 году. Российская армия одерживала

⁹ Даже обращенных в христианство татар с натяжкой можно было назвать русскими в любом культурном смысле этого слова. К тому же в последние десятилетия перед революцией не только большинство мусульман отвергло идею обращения в православие, но и многие давно обращенные христианизированные общины склонялись к обратному переходу в ислам. При этом царский режим с подозрением относился к мусульманским реформаторам, которые пытались ввести русский язык и современные общеобразовательные предметы в исламские школы, образованные при мечетях и находившиеся вне правительственного контроля. Санкт-Петербург предпочитал поддерживать консервативные исламские силы, пытавшиеся защитить изолированную религиозную идентичность мусульманского населения [Там же: 446].

победы над турками в каждом сражении и ко времени начала революции глубоко внедрилась на территорию Анатолии. Таким образом, революция была не следствием военных неудач, а результатом экономических тягот военного времени. Но основной ее причиной оказалась полная утрата доверия царскому режиму среди большинства российских элит и российских городских масс. Поэтому теория революций — необходимая составная часть анализа империй.

Перспективы дискуссии

Предложенная мной систематизация проблем исследования Ливена не является исчерпывающей и может уточняться в каждом конкретном случае. Список общих объектов исследования и тем обсуждения выглядит как анализ следующих крупных проблем: когнитивно-политические ловушки исследования империй и квалификация империй как безжалостного механизма эксплуатации природных и человеческих ресурсов; квалификация имперского государственного управления как предпосылки успеха и поражения империй; описание империй как основы и стимула для становления и развития национализма, подрывающего их существование; взаимодействие политических технологий и доморощенных идеологий; описание процедур выбора политических стратегий и решения проблем внутренней политики в контексте периода распада империй как следствия исторически накопленной несвободы, не позволяющей найти адекватный ответ на множество вызовов современности. Каждая из этих проблем может дробиться на конкретные подпроблемы.

Но общие проблемы останутся тем более актуальными, чем более в политическом и научном пространстве будет пропагандироваться идеология «особого пути» России [Идеология «особого пути»... 2010]. Анализ русского государственного разума в контексте османо-российской компаративистики позволяет рассматривать множество поставленных проблем как повестку дня дискуссии, имеющей прямой выход на ситуацию в современной России. Покажу продуктивность такого подхода на примере.

В настоящее время в мировом научном и политическом сообществе обсуждается правомерность присоединения Крыма к России. Высказываются противоположные точки зрения. Выработку отношения к ним можно начать с вопроса: применима ли к истории присоединения Крыма и Кавказа к России идеология цивилизационной миссии и доктрина terra nullius?

Книга Ливена вдохновила меня на перечитывание «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского под углом зрения поставленного вопроса. Я нашел там много интересного для доказательства правомерности предложенного подхода. Приведу один показательный отрывок.

Выдающийся писатель в августе 1876 г. от всей души соглашался с мнением газеты «Московские ведомости», которые «...выражают желание «не жалеть о татарах» и т. д. не для одной лишь политической стороны дела, не для одного лишь закрепления окраин, и выставляют и прямо экономическую потребность края. Они выставляют, как факт, что крымские татары даже доказали свою неспособность правильно возделывать почву Крыма и что русские, и именно южнорусы — на это гораздо будут способнее, и в доказательство указывают на Кавказ. Вообще если б переселение русских в Крым (постепенное, разумеется) потребовало бы и чрезвычайных каких-нибудь затрат от государства, то на такие затраты, кажется, очень можно и чрезвычайно было бы выгодно решиться. Во всяком ведь случае, если не займут места русские, то на Крым непременно набросятся жида и умертвят почву края» [Достоевский 1981: 55].

Из приведенного отрывка вытекает, что идеология цивилизационной миссии и доктрина terra nullius при присоединении Крыма и Кавказа к России выступали в обрамлении «еврейской угрозы» и антисемитских убеждений не только отдельных лиц, но и популярных

печатных изданий, от влияния которых не смог освободиться великий писатель. Но точно ли он излагал факты?

Выдающийся российский историк Б.Э. Нольде показал, что русское общество начало заражаться вирусом империализма как раз после завоевания Крыма: «Завоевание Крыма было прямым нарушением Россией Кючук-Кайнарджийского договора и Айналы-Кавакской конвенции и ущемляло законные права Турции. В Санкт-Петербурге понимали, что это может привести к новой войне, однако все же надеялись на лучшее» [Нольде 2013: 552–553].

Вместо старых и новых надежд у меня есть предложение учесть информацию Александра Христофоровича Бенкендорфа, который прославился не только победами на дамском фронте, но и был первым руководителем российских спецслужб. В 1804 г. он посетил завоеванный Россией Крым и сообщает: «С первыми днями весны мы покинули Херсон и направились в Крым. Въезжают на этот полуостров через единственный проход — Перекоп. Татары — долгое время хозяева России, в свою очередь побежденные со всех сторон, нашли в Крыму свое последнее прибежище. Они возвели этот земляной вал, или Перекоп, который оказался всего лишь слабой преградой против отваги наших войск. Но вечным позором для завоевателей и для царствования Екатерины будет то, что весь Крым сделался безлюдным; эта прекрасная провинция, житница Константинополя и Малой Азии, покрытая городами с цветущими садами и питающая более миллиона трудолюбивых жителей, была превращена в пустыню... можно подумать, что Россия покорила Крым только ради создания порта и флота в Севастополе. Действительно, невозможно найти в Крыму более просторного и удобного места; все флоты Европы могли бы здесь встать на якорь» [Бенкендорф 2012: 80–82].

Стало быть, Его Высокоо-копревосходительство имел мужество признать факт разорения Крыма в результате его присоединения к России, стратегические мотивы такого присоединения и вытекающий отсюда вечный позор, а не риторические ссылки на русский этнический фактор.

Данные уточнения позволяют внести необходимую конкретизацию в концепцию Ливена и определить повестку дня дискуссии по проблеме русского государственного разума в контексте османско-российской компаративистики. В данном номере публикуются статьи, показывающие актуальность концепции Доминика Ливена на конкретных примерах.

Арон Р. 2000. *Мир и война между народами*. Под общей ред. канд. полит. наук Даниленко В.И. — М.: NOTA BENE.

Бенкендорф А.Х. 2012. *Воспоминания 1802–1837*. — М.: «Рос. Фонд Культуры».

Достоевский Ф.М. 1981. *Полн. собр. соч. Т. 23. Дневник писателя за 1876 год*. Май–октябрь. — Ленинград: Наука.

Идеология «особого пути»... 2010. *Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия: [сб. ст.]*. / Kennan Institute; Под ред. Э.А. Паина. — М.: Три квадрата.

Ливен Д. 2007. *Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней*. Пер. с англ. А. Козлика, А. Платонова. — М.: Изд. «Европа».

Макаренко В.П. 2009. Проблема дистанции при описании социо-политической динамики России. — *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. — № 1. — Доступно: <http://politconcept.sfedu.ru/2009.1/04.pdf>. — Проверено 24.08.2016.

Макаренко В.П. 2011. Город как судьба: взгляд Нобелевского лауреата Орхана Памука на родной Стамбул. — *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. — № 4. — Доступно: <http://politconcept.sfedu.ru/2011.4/12.pdf>. — Проверено 21.08.2016.

Макаренко В.П. 2001. Кавказ: концептологический анализ. — *Социологические исследования*. — № 12.

Макаренко В.П. 2013. *Русская власть и бюрократическое государство. Часть 1*. — Ростов-на-Дону: Изд. ЮФУ.

Милов Л.В. 1998. *Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса*. — М.: РОССПЭН.

Нольде Б.Э. 2013. *История формирования Российской империи* / Б.Э. Нольде; пер. с фр. канд. филол. наук Л.Ф. Сахибгареевой под ред. канд. ист. наук И.В. Кучумова; отв. ред. акад. РАН В.А. Тишков. — СПб.: «Дмитрий Буланин».

Российский Кавказ... 2015 *Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения: Научное издание* / Под общ. ред. Р.Г. Абдулатипова, А.-Н.З. Дибирова. — Изд. «Аспект-Пресс».

Русская власть... 2015. *Русская власть и бюрократическое государство. Часть 2*. Отв. редактор В.П. Макаренко. — Ростов-на-Дону: Изд. ЮФУ.